

Кудинов В. В., Тарасова М. А.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В КИТАЕ: ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР

Kudinov V. V., Tarasova M. A.

THE PROBLEM OF NATIONAL UNITY AND STATE INTEGRITY IN CHINA: THE ISLAMIC FACTOR

В статье проанализированы особенности правового регулирования в Китае государственной политики по отношению к национальным меньшинствам в интересах обеспечения единства и государственной целостности страны. Выделены основные направления деятельности государственных органов КНР в интересах противодействия терроризму, сепаратизму и религиозному экстремизму с учетом сложившейся международной обстановки.

Ключевые слова: государство, Китай, КНР, мусульманские меньшинства, ислам, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся, Синьцзян, политика, государственные органы, единство, государственная целостность, сепаратизм, терроризм.

The article analyzes the features of legal regulation in China of state policy towards national minorities in the interests of ensuring the unity and state integrity of the country. The main directions of activity of the state bodies of the people's Republic of China in the interests of countering terrorism, separatism and religious extremism, taking into account the current international situation, are highlighted.

Keywords: state, China, PRC, Muslim minorities, Islam, Shaanxi, Gansu, Qinghai, Ningxia, Xinjiang, politics, state bodies, unity, state integrity, separatism, terrorism.

Согласно официальным данным переписи 2010 года [1], из 1,3 миллиарда населения Китая лишь 8,4% составляют меньшинства, и из них только 1,7% приходится на мусульман [2]. Десять мусульманских меньшинств включают в себя: хуэй, уйгуров, казахов, дунсяней, киргизов, саларов, таджиков, узбеков, баоаней и татар. За исключением хуэй и уйгуров, оба из которых имеют значительную численность, насчитывающую более десяти миллионов, каждое из остальных меньшинств составляет 0.1% или менее от общей численности.

Однако эти мусульмане концентрируются в обширном северо-западном регионе (30% от общей территории), включая три провинции (Шэньси, Ганьсу, Цинхай) и два автономных региона (Нинся, Синьцзян) [3]. Хуэй широко распространены по северо-западному региону, а некоторые из них также проживают во внутренних провинциях Китая. Уйгуры в основном живут в Синьцзяне, в особенности в южной его области.

Казахи, киргизы, таджики, узбеки и татары являются меньшинствами, проживающими в приграничных районах Синьцзяна и разделяют одну этническую принадлежность с народами из соседних стран, таких как Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Россия и Афганистан. Дунсяне, салары и баоани – мусульманские народы с собственной этнической идентичностью, но их обычно считают частью народа хуэй.

Дунсяне и баоане в основном проживают в провинции Ганьсу, а салары сконцентрированы в провинции Цинхай. Другие этнические группы, включая ханьцев, (коренное население Китая, составляющие более 90%) также включают в себя небольшое количество мусульманского населения. Они распределены по всему Китаю; их сравнительно больше в некоторых провинциях, таких как Юньнань и Хэнань, вместе насчитывая около одного миллиона мусульман [4].

Для понимания текущего положения

мусульманских меньшинств и их взаимоотношений с правящей элитой КНР необходимо объяснить политику Китая по отношению к этническим меньшинствам и религиям. Это важная сфера деятельности государства, поскольку мусульмане составляют лишь 20% популяции меньшинств, и ханьцы, а также другие 45 меньшинств тоже включают в себя мусульман.

Необходимо различать разницу между этническими группами с большинством мусульманского населения и теми, кто следует религии ислама вне зависимости от своей этнической принадлежности. Хотя официальной идеологией Китая, следующего коммунистическим принципам, служит атеизм[5], многим религиям удается привлечь последователей, включая пять традиционных (буддизм, даосизм, ислам, католицизм и протестантизм) – в дополнение к новым религиозным убеждениям[6].

Ввиду большого числа этнических групп и религиозных конфессий, центральное правительство КНР определило ряд общих руководящих принципов контроля меньшинств и религиозных дел.

Во-первых, все этнические группы являются частью великой китайской нации, включающей в себя 56 народов, и её политической единство неделимо.

Во-вторых, будучи частью великого китайского народа, все этнические группы имеют равный статус. «Равный статус» относится ко всем видам прав и обязанностей, вне зависимости от этнических отличий, языка, религии, обычаев и т.д.

В-третьих, в связи с отличающимися историческими, географическими, климатическими и другими условиями, центральное правительство должно принимать преференциальные меры на экономической, культурной, социальной, образовательной и других аренах для повышения качества жизни находящихся в неблагоприятном положении меньшинств[7].

По мнению некоторых экспертов, общая политика Китая в религиозных вопросах может быть сведена к следующим пяти принципам: руководство государства придерживается идеологии марксизма-ленинизма и атеистических убеждений; граждане КНР вправе исповедовать организованную религию; религии имеют равный статус и их задачи должны способствовать продвижению идеи национального единства; религиозные структуры и их деятельность должны организовываться внутри страны под контролем государства, при этом иностранное влияние на религиозную деятельность запрещено; религиозная деятельность отделе-

на и не может влиять на деятельность государственных органов в сфере образования и политику государства[8].

Государственный надзор в рассматриваемой сфере осуществляется конкретным органом власти на всех уровнях управления, включая центральный, провинциальный и местный. Так, например, на центральном уровне, это Государственная комиссия по делам этнических меньшинств и Государственное управление по делам религий, под управлением Государственного совета КНР, являются высшими органами по контролю меньшинств и религиозных вопросов, соответственно. На уровне провинций и ниже административные органы по делам меньшинств и религий объединяются в единую структуру, что указывает на то, что правительство Китая поддерживает тесную взаимосвязь этих двух сфер деятельности, и, следовательно, исполняет политику в отношении меньшинств и религии при помощи этих комиссий.

Таким образом, руководство Китая поддерживает религиозную свободу для всех граждан и обеспечивает соблюдение законов в данной сфере для предотвращения угроз целостности государства и национальному единству общества. Это, во-первых, способствует сдерживанию развития радикальных течений религий и развитию политической идентичности китайского народа; во-вторых, религия становится личным делом человека, поскольку государство обеспечивает свободу всех граждан на исповедание религии или же отказ от неё, вне зависимости от этнического происхождения; в-третьих, религиозные традиции или деятельность религиозных организаций могут быть приостановлены, если они, к примеру, противоречат общенациональным целям. Данная политика направлена на сохранение политической стабильности и подавления сепаратистской деятельности[9].

Как отмечалось выше, среди 56 меньшинств Китая, уйгуры и тибетцы – два меньшинства, которые регулярно сталкиваются с определенным государственным контролем их повседневной жизни, включая религиозную сферу. Это связано прежде всего с сохранением некоторой настороженности в связи с существованием в Синьцзяне и на Тибете сепаратистских и экстремистских движений за «независимость», и это следует учитывать на фоне продолжающихся с 2009 года политических волнений. Жестокие нападения в Синьцзяне и протестные самосожжения в Тибете привели к реакции со стороны органов государственной вла-

сти Китая, в форме усиленных мер безопасности в обоих регионах и наложения определенных ограничений на религиозную деятельность[10] (например, запрет на пост в Рамадан)[11]. Применение данных мер нацелено на предотвращение возникновения каких-либо форм негативной политической деятельности, в особенности тех, которые потенциально могут развиваться через религиозные связи[12]. Это контрастирует с адаптивной политикой, применяемой Китаем в других регионах (протестантизм, буддизм и даже ислам в местах пребывания хуэй). Основная причина такой разницы в политике заключается в том, что в этих областях властями не отмечено существенных проблем с безопасностью.

Более глубокая причина подобных ограничений в отношении религиозной автономии уйгуров и тибетцев связана с отсутствием политического доверия и уверенности со стороны правительства КНР. Это ассоциируется с отличительным феноменом, с которым государство никогда не сталкивалось в других частях Китая. Это во многом связано с недостатком социальной интеграции между ханьцами и меньшинствами, в связи с чем государство принимает меры безопасности для поддержания целостности государства. По сути, руководство Китая предпринимает меры только по отношению к некоторым религиозным меньшинствам с учетом сепаратистских и экстремистских движений в указанных регионах. В других регионах, где этнические меньшинства являются приверженцами ислама или тибетского буддизма[13], Китай не прибегает к такой политике, как в Синьцзяне и Тибете, поскольку в этих случаях перед государством не предстают проблемы обеспечения безопасности.

Необходимо отметить, что мусульманская община Китая не отличается последовательностью и единством, например, даже внутри народа хуэй существуют конфликты между различными сектами[14]. Десять мусульманских меньшинств условно можно разделить на четыре группы: хуэй, уйгуры, меньшинства, разделяющие этническую принадлежность с основной группой в соседних странах, и другие мусульмане, имеющие собственную принадлежность. Среди этих четырех групп, взаимоотношения между первыми двумя и государством является более последовательным, поскольку они составляют 89,2% мусульманского населения и оба формируют крупнейшее меньшинство в северо-западном регионе. Следовательно, напряженные взаимоотноше-

ния органов государственной власти Китая складываются только с хуэй и уйгурами[15].

Народ хуэй – самая большая мусульманская группа, чьи предки иммигрировали в Китай между Династией Тан и Юань (7-13 века) из арабской и персидской империй[16]. В результате продолжительной аккультурации хуэй пользуются китайским языком. На сегодняшний день они практикуют ислам при помощи переведенных на китайский язык материалов. Подобная «китаизация» в равной мере отражается в особенностях их исламских верований. В то время, как большинство хуэй являются мусульманами-суннитами, их вера отображает определенные признаки суфизма. Старые мечети – это, как правило, суфийские мавзолеи, несущие существенные элементы китайской архитектуры. В связи с большим уровнем китаизации, хуэй рассматривают свою исламскую идентичность главным образом в культурном, а не политическом смысле, ими было пережито множество перемен династий и правительств[17].

Руководство КНР не рассматривает исповедование представителями хуэй ислама, как потенциальную угрозу безопасности целостности государства, поскольку большинство из них идентифицируют себя, в первую очередь, как китайцы.

Уйгуры – ещё одна большая группа, чьи предки были древними жителями Синьцзяна, смесь тюрок, монголов и коренных племен[18]. Хотя уйгуры жили в Синьцзяне на протяжении долгого времени, они не находились под властью Китая до середины восемнадцатого века. Ни один из китайских правителей[19] за более чем 250 лет не преуспел в своем стремлении ассимилировать уйгуров, то есть сделать из них китайцев. Большинство уйгур не разговаривает по-китайски, и в этом заключается существенное различие между ними и хуэй. В отличие от своих собратьев-мусульман хуэй, уйгуры редко вступали в брак с китайскими ханьцами. Напряженность между уйгурами и ханьцами часто бывает высокой, трения не ограничены лишь этническими отличиями[20].

По заявлениям некоторых представителей уйгуров, конфликт последних лет в Синьцзяне является реакцией на продолжающиеся нарушения их религиозных прав. Однако действия руководства Китая направлены прежде всего на противодействие деятельности религиозных экстремистских организаций, которые являются угрозой национальным интересам и госу-

дарственной целостности и поэтому должны быть остановлены.

Необходимо отметить, что с 2009 года в Китае масштабы и число инцидентов с применением насилия продолжают увеличиваться. Многие из этих инцидентов включают террористические атаки, совершенные уйгурами[21]. Они отличаются от экстремистских атак в 1990-х и начале 2000-х годов, так как многие из них в то время не были спланированы и непосредственно исполнены отдельными группами, связанными с подпольными религиозными сетями[22]. По мнению исследователей, религиозный экстремизм оказывает влияние на уйгурскую общину, и проблема заключается во влиянии на происходящие процессы не только зарубежных террористических организаций таких, как Исламское государство, Аль-Каида, или Исламское движение Восточного Туркестана, но и США и их союзников.

Поэтом усиление сдерживания уйгуров, в особенности их религиозной активности, является не только противодействием терроризму и экстремизму, но обеспечением защиты целостности Китая. При этом предпринимаемые меры по усилению безопасности государства не нацелены специально на уйгуров или ислам и могут быть применены руководством КНР к любым местам или группам до тех пор, пока не будет устранена угроза национальной безопасности и государственной целостности Китая.

Уйгурский вопрос неразрывно связан с тремя проблемами: экстремистское движение, террористические атаки и национальная интеграция. Руководство КНР справедливо занимает жесткую позицию по первым двум проблемам и настаивает на недопустимости иностранного вмешательства во внутренние дела страны. Проблема национальной интеграции – самая трудная тема, поскольку она включает в себя все виды действий, связанных с этническими, религиозными, и другими социально-экономическими вопросами.

Для всех трёх проблем международные факторы играют значительную роль, которая затрагивает внешнюю политику

Китая в отношении таких ключевых мусульманских стран, как Турция.

По мнению ряда исследователей, проблема активизации экстремистских движений, за независимость в Синьцзяне, заключается в том, что Турция[23] и США, при помощи Национального фонда демократии, поддерживающего так называемый Всемирный уйгурский конгресс[24], оказывают поддержку сепаратистским группам. Руководство Китая неоднократно справедливо и обосновано осуждало антикитайские протесты в поддержку уйгуров в Турции и отрицало обвинения в дискриминации уйгуров, в сфере религиозных прав[25]. При этом Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган подчеркнул уважение Турцией суверенитета и территориальной целостности Китая, заявив, что он «не позволит никому использовать территорию Турции для любых действий, наносящих ущерб национальным интересам и безопасности Китая»[26].

Так как инциденты в Синьцзяне напрямую связаны с такими террористическими организациями, как Исламское движение Восточного Туркестана, Аль-Каида и Исламское государство[27], то в сфере противодействия терроризму, Китай стремится к более тесному сотрудничеству с международным сообществом, включая арабский мир, Иран, Россию и Европейский Союз. Поэтом международное сообщество должно осознать, что деятельность руководства КНР направлена не на ущемлении прав уйгуров, в том числе в области прав человека, а направлена на противодействие религиозному сепаратизму и терроризму.

В свете сложившейся международной ситуации руководство КНР продолжит ужесточать меры безопасности для сохранения социальной стабильности и искоренения терроризма. Применение жестких мер – это необходимость, нужная для противостояния терроризму, сепаратизму и религиозному экстремизму, и вводимые руководством Китая ограничения законны и соответствуют конституционным положениям, касающимся общих принципов в отношении меньшинств и религий.

Литература

1. Данные доступны в Интернете из Национального Бюро статистики Китая <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexce.htm>
2. Синьлин, «Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины издаёт документ, запрещающий членам партии верить в религию», Радио «Свободная Азия», 25 мая 2015 г. <http://www.rfa.org/mandarin/yataibaodao/shehui/xl2-05252015122742.html>
3. «Daxianggonghui»: «Отчего у Китая религиозная лихорадка?» SINA culture, 7 апреля 2014 г. <http://history.sina.com.cn/cul/zl/2014-07-04/142294628.shtml>

4. Maqizhi (2012), «Этническая политика КНР и их правовая институционализация», <http://www.npc.gov.cn>, 2012
5. «Положение о делах религии», Государственный совет КНР, 30 ноября 2004 г. http://big5.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mrlm/200803/t20080328_31641.html
6. Р. Израиль, ислам в Китае: религия, этническая принадлежность, культура и политика. Нью-Йорк: Роумен и Литтлфилд, 2007
7. Касаемо подробностей китайской религиозной политики, см. Джулия Фамалуро, «Китайские религиозные ограничения в Синьцзян – уйгурском автономном регионе: угроза для тюркских мусульман?», Project 2049 Institute, 8 марта 2015 г. http://www.project2049.net/documents/Famularo_PRC_Religious_Regulations_Xinjiang.pdf
8. «Китай ограничивает пост в Рамадан в дальнем западном регионе» AgenceFrance-Presse, 18 июня 2015 г. <http://www.ndtv.com/world-news/china-restricts-ramadan-fasting-in-far-western-region-772852>
9. «Поддержание стабильности: Китай увеличивает численность войск в Синьцзяне и Тибете», информационное агентство СНА, 25 ноября 2013 г. <http://www.cna.com.tw/news/asn/201311250098-1.aspx>
10. Ма Пин (2005) «Исследование проблемы подъема исламских сект и менхуана в современном северо-западном регионе», Журнал исследования мусульманского меньшинства хуэй, том 60, №4, стр. 107-110.
11. Ван Юнь (2000), «Происхождение и формирование мусульман», «Идеологический фронт», том 26, №2, стр. 79-81.
12. Чжоу-Чжуань-бин, «Обсуждение культурного происхождения и эволюции хуэй», <http://mzb.com.cn/html/Home/report/345935>
13. «Происхождение народа уйгуров», china.com.cn, 10 июля 2009 г. http://www.china.com.cn/aboutchina/txt/2009-07/10/content_18107921.htm
14. Правители включают три режима: Династию Цин, Китайскую национальную партию (Гоминьдан) и режим КНР.
15. «Почему существует напряженность между Китаем и уйгурами?», BBCNews, 26 сентября 2014 г., <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-26414014>
16. Килич Канат, «Репрессии в Китае и их последствия в Синьцзяне», HudsonInstitute, 28 июля 2014 г. <http://www.hudson.org/research/10480-repression-in-china-and-its-consequences-in-xinjiang>
17. Рэймонд Ли, «Беспорядки в Синьцзяне, уйгурской провинции Китая», AljazeeraCentreforStudies, 20 февраля 2014г. <http://studies.aljazeera.net/en/reports/2014/02/201421281846110687.htm>
18. «Множество насильственных нападений в Синьцзяне связано с несовершеннолетними», CCTV программа «News 1+1», 25 августа 2014 г. <http://www.chinanews.com/fz/2014/08-26/6529013.shtml>
19. «CCTV раскрыла запись деятельности террористической организации в Синьцзяне», CCTVNetwork, 25 августа 2014 г. <http://news.e23.cn/content/2014-08-25/2014082500248.html>
20. Рэймонд Ли, «Беспорядки в Синьцзяне, уйгурской провинции Китая», AljazeeraCentreforStudies, 20 февраля 2014г. <http://studies.aljazeera.net/en/reports/2014/02/201421281846110687.htm>
21. «Уйгуры винят в насилии религиозные и культурные репрессии в Синьцзяне», AgenceFrance-Presse, 12 ноября 2013 г. <http://www.scmp.com/news/china/article/1354766/uygurs-blame-religious-and-cultural-repression-xinjiang-violence>
22. Цю Юнчжэн, «Турция публично поддерживает террористическую организацию Восточного Туркестана, почему наше правительство до сих пор ничего не делает», GlobalTimes, 1 июля 2013 г. http://club.china.com/data/thread/1011/2761/81/87/7_1.html
23. «Национальный фонд поддержки демократии поддерживает Ребия Кадира и помогает наборе антикитайской команды», CRNTT.com, 12 августа 2009 г. http://hk.crntt.com/doc/1010/4/5/7/101045702_4.html?coluid=7&kindid=0&docid=101045702&mdate=0812093701
24. Хи Цзинь, Чжао Сяя и Хань Циньян: «Утверждение о том, что китайское правительство запрещает пост в Рамадан – большая ложь антикитайских групп», XinjiangDaily, 15 июля 2015 г.
25. Кристофер Боден, «Президент Турции Эрдоган в Пекине посреди этнических напряжений», AssociatedPress, 29 июля 2015 г.
26. «Девяносто процентов насильственных инцидентов в Синьцзяне вызваны мыслями о джихаде», XinjiangDaily, 10 июня 2015 г. <http://www.chinanews.com/df/2015/06-10/7334573.shtml>
27. «13, 183, и 1700», International Daily, 24 июля 2014 г. <http://www.chinesetoday.com/big/article/901940>
28. «Отчёт Human Right Watch: многие уйгуры пропали после беспорядков в Синьцзяне» <http://www.aboluowang.com/2009/1022/147423.html>

References

1. Dannyye dostupny v Internete iz Natsional'nogo Byuro statistiki Kitaya <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexce.htm>

2. Sin'lin, «Tsentral'naya komissiya KPK po proverke distsipliny izdayot dokument, zapreshchayushchiy chlenam partii verit' v religiyu», Radio «Svobodnaya Aziya», 25 maya 2015 g. <http://www.rfa.org/mandarin/yataibaodao/shehui/xl2-05252015122742.html>
3. «Daxianggonghui»: «Otchego u Kitaya religioznaya likhoradka?» SINA culture, 7 aprelya 2014 g. <http://history.sina.com.cn/cul/zi/2014-07-04/142294628.shtml>
4. Maqizhi (2012), «Etnicheskaya politika KNR i ikh pravovaya institutsionalizatsiya», <http://www.npc.gov.cn>, 2012
5. «Polozheniye o delakh religii», Gosudarstvennyy sovet KNR, 30 noyabrya 2004 g. http://big5.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mrlm/200803/t20080328_31641.html
6. R. Izrail', islam v Kitaye: religiya, etnicheskaya prinadlezhnost', kul'tura i politika. N'yu-York: Roumen i Littlfiled, 2007
7. Kasayemo podrobnostey kitayskoy religioznoy politiki, sm. Dzhuliya Famaluro, «Kitaysiye religioznyye ogranicheniya v Sin'tszyan – uygurskom avtonomnom regione: ugroza dlya tyurkskikh musul'man?», Project 2049 Institute, 8 marta 2015 g. http://www.project2049.net/documents/Famularo_PRC_Religious_Regulations_Xinjiang.pdf
8. «Kitay ogranichivayet post v Ramadan v dal'nem zapadnom regione» AgenceFrance-Presse, 18 iyunya 2015 g. <http://www.ndtv.com/world-news/china-restricts-ramadan-fasting-in-far-western-region-772852>
9. «Podderzhaniye stabil'nosti: Kitay uvelichivayet chislennost' voysk v Sin'tszyane i Tibete», informatsionnoye agentstvoCNA, 25 noyabrya 2013 g. <http://www.cna.com.tw/news/acn/201311250098-1.aspx>
10. Ma Pin (2005) «Issledovaniye problemy pod"yema islamskikh sekt i menkhuaana v sovremennom severo-zapadnom regione», Zhurnal issledovaniya musul'manskogo men'shinstva khuey, tom 60, №4, str. 107-110.
11. Van Yun' (2000), «Proiskhozhdeniye i formirovaniye musul'man», «Ideologicheskii front», tom 26, №2, str 79-81.
12. Chzhou-Chzhuan'-bin, «Obsuzhdeniye kul'turnogo proiskhozhdeniya i evolyutsii khuey», <http://mzb.com.cn/html/Home/report/345935>
13. «Proiskhozhdeniye naroda uygurov», china.com.cn, 10 iyulya 2009 g. http://www.china.com.cn/aboutchina/txt/2009-07/10/content_18107921.htm
14. Praviteli vkluchayut tri rezhima: Dinastiyu Tsin, Kitayskuyu natsional'nuyu partiyyu (Gomin'dan) i rezhim KNR.
15. «Pochemu sushchestvuyet napryazhennost' mezhdru Kitayem i uygurami?», BBC News, 26 sentyabrya 2014 g., <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-26414014>
16. Kilich Kanat, «Repressii v Kitaye i ikh posledstviya v Sin'tszyane», HudsonInstitute, 28 iyulya 2014 g. <http://www.hudson.org/research/10480-repression-in-china-and-its-consequences-in-xinjiang>.
17. Reymond Li, «Besporyadki v Sin'tszyane, uygurskoy provintsii Kitaya», AljazeeraCentreforStudies, 20 fevralya 2014g. <http://studies.aljazeera.net/en/reports/2014/02/201421281846110687.htm>
18. «Mnozhestvo nasil'stvennykh napadeniy v Sin'tszyane svyazano s nesovershennoletnimi», CCTV programma «News 1+1», 25 avgusta 2014 g. <http://www.chinanews.com/fz/2014/08-26/6529013.shtml>
19. «CCTV raskryla zapis' deyatel'nosti terroricheskoy organizatsii v Sin'tszyane», CCTV Network, 25 avgusta 2014 g. <http://news.e23.cn/content/2014-08-25/2014082500248.html>
20. Reymond Li, «Besporyadki v Sin'tszyane, uygurskoy provintsii Kitaya», AljazeeraCentreforStudies, 20 fevralya 2014g. <http://studies.aljazeera.net/en/reports/2014/02/201421281846110687.htm>
21. «Uygury vinyat v nasilii religioznyye i kul'turnyye repressii v Sin'tszyane», Agence France-Presse, 12 noyabrya 2013 g. <http://www.scmp.com/news/china/article/1354766/uygurs-blame-religious-and-cultural-repression-xinjiang-violence>
22. Tsyu Yunchzhen, «Turtsiya publichno podderzhivayet terroricheskuyu organizatsiyu Vostochnogo Turkestana, pochemu nashe pravitel'stvo do sikh por nichego ne delayet», GlobalTimes, 1 iyulya 2013 g. http://club.china.com/data/thread/1011/2761/81/87/7_1.html
23. «Natsional'nyy fond podderzhki demokratii podderzhivayet RebiyaKadira i pomogayet nabore antikitayskoy komandy», CRNTT.com, 12 avgusta 2009 g. http://hk.crntt.com/doc/1010/4/5/7/101045702_4.html?coluid=7&kindid=0&docid=101045702&mdate=0812093701
24. Khi TSzin', ChzhaoSyaya i Khan'Tsin'yan: «Utverzheniye o tom, chto kitayskoye pravitel'stvo zapreshchayet post v Ramadan – bol'shaya lozh' antikitayskikh grupp», XinjiangDaily, 15 iyulya 2015 g.
25. Kristofer Boden, «Prezident Turtsii Erdogan v Pekine posredi etnicheskikh napryazheniy», AssociatedPress, 29 iyulya 2015 g.
26. «Devyanosto protsentov nasil'stvennykh intsidentov v Sin'tszyane vyzvany myslyami o dzhikhade», XinjiangDaily, 10 iyunya 2015 g. <http://www.chinanews.com/df/2015/06-10/7334573.shtml>
27. «13, 183, i 1700», International Daily, 24 iyulya 2014 g. <http://www.chinesetoday.com/big/article/901940>
28. «Otchot Human Right Watch: mnogiye uygury propali posle besporyadkov v Sin'tszyane» <http://www.aboluowang.com/2009/1022/147423.html>

КУДИНОВ Владимир Владимирович, доктор юридических наук, доцент кафедры экономической безопасности, анализа и статистики экономического факультета, Курганская государственная сельскохозяйственная академия им Т.С. Мальцева. 641300, Россия, Курганская обл., Кетовский р-н, с. Лесниково, ФГБОУ ВО Курганская ГСХА. E-mail: kudinov45@mail.ru

KUDINOV Vladimir Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Kurgan state agricultural Academy named after T. S. Maltsev. 641300, Russia, Kurgan region, Ketovsky district, s. Lesnikovo, FSBEI HE Kurgan State Agricultural Academy. E-mail: kudinov45@mail.ru

ТАРАСОВА Марина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, член-корреспондент РАЕН. E-mail: marisha1310@rambler.ru

TARASOVA Marina Alexandrovna, Candidate of Law, Associate Professor, corresponding member of the Academy of natural Sciences.
E-mail: marisha1310@rambler.ru

